

В раздевалке даже дыхание казалось способным потревожить призраков семилетней давности.

Лу Цзин вместе с игроками выполнял последнюю разминку, его движения были настолько точными, будто он — сложный прибор. Никто не смотрел на него, и никто не осмеливался спросить: «Ты действительно собираешься на поле?» — все знали ответ. Та гроза семь лет назад сожгла не просто тактическую схему, она сожгла их веру в победу. И сегодня Лу Цзин собирался с этим телом, покрытым шрамами, заново разжечь тот огонь.

Линь Е присел на корточки в углу, его пальцы дрожали, пока он заталкивал в спортивный носок крошечный, многократно сложенный листочек со схемой. Это было перерисованное Лу Цзином Покаянное построение, каждая линия в нем словно была вырезана ножом у него в костях. Он не плакал, лишь туго затянул гетры на голеньях, словно привязывая себя к последнему спасительному канату.

Се Линь стоял в тени у двери, на его груди красовался старый командный значок, похожий на никогда не распечатанное письмо с извинениями. На нем не было тренерской формы или бейджа — только та самая полинявшая черная куртка, а на воротнике сиял точно такой же значок, как у Лу Цзина на груди: потертая эмаль, выцветший узор, но всё еще горячий.

Никто не произнес ни слова. Воздух застыл, точно мерзлая земля, и даже биения сердец боялись разбудить уснувшие души.

Внезапно раздался голос из динамиков: «Матч начинается».

Се Линь сделал шаг и направился к боковой линии.

— Стоять. — Охрана преградила ему путь. — Тренер Се, вам сегодня... нельзя на поле.

Се Линь замер на мгновение, не оборачиваясь и ничего не объясняя. Он лишь пристально смотрел на туннель, ведущий на поле, словно на реку, которую не мог перешагнуть все семь лет.

В этот самый момент Лу Цзин резко повернулся.

Он сорвал с руки капитанскую повязку и взмахнул кистью —

Повязка рассекла воздух дугой, словно падающая звезда, и с безупречной точностью упала к ногам Се Линя.

— Ты не тень, — голос Лу Цзина звучал негромко, но резал, словно лезвие по железу, пронзая всю раздевалку насквозь. — Ты — ядро построения.

Мертвая тишина.

А затем — взрыв.

Линь Е прикрыл рот рукой, Ли Чжэн зажмурился, полотенце Чэнь Мо упало на пол. Кто-то судорожно вдохнул, у кого-то ослабли ноги и он прислонился к стене, чьи-то слезы закапали на деревянный настил — кап, кап — совсем как та дождевая вода семь лет назад.

Се Линь опустил голову и посмотрел на повязку у своих ног.

Черная ткань, потертые края, на подкладке даже виднелось крошечное пятнышко засохшей крови — след от того самого дня семь лет назад, когда Лу Цзин тяжело рухнул на поле и Се Линь собственными руками туго перебинтовывал ему ногу.

Он наклонился и поднял ее.

Ни малейшего колебания, ни тени сомнений.

Он завязал повязку на левом рукаве — ровно в том месте, куда когда-то накладывал бинт Лу Цзину.

На стадионе воцарилась абсолютная тишина.

Никто больше не пытался преградить ему путь.

Внезапно вспыхнул луч прожектора, словно удар золотого клинка, брошенный небожителями, рассекший поле пополам.

Лу Цзин стоял в центральном круге, Се Линь — у боковой линии.

Десять метров.

Словно семь лет.

Никто не двигался.

Но они уже стояли плечом к плечу.

Шрам на левой ноге Лу Цзина отливал сероватой белизной в свете ламп, а красная стрелка все так же резала глаза, устремленная прямо в сердце.

Повязка на рукаве Се Линя плотно прилегала к старому шраму.

Ни один из них не проронил ни слова.

Но Лу Цзин знал: Се Линь помнит каждую дугу, каждую точку падения мяча, каждую тактическую пометку, разорванную на куски, а затем спрятанную исподтишка.

И Се Линь знал: Лу Цзин никогда не дергал на него зла — он ненавидел лишь самого себя за то, что не осмеливался признать собственную слабость.

Свисток еще не прозвучал.

Но в воздухе уже мчалась в атаку тысячеглавая армия.

Линь Е первым ворвался на поле, словно пробудившийся ото сна волк. Он понесся вперед с мячом, ложным движением уложил двоих защитников, но в самый миг удара по воротам отдал пас назад — не партнеру по команде, не в свободную зону, а прямо в центральный круг.

Лу Цзин принял мяч, не останавливая его и не пробивая по воротам.

Он поднял взгляд и посмотрел на боковую линию.

И отдал пас пяткой назад.

Мяч полетел донельзя медленно, будто время повернулось вспять.

Он стукнулся оземь возле ног Се Линя, прокатился еще пол-оборота и замер.

Весь стадион затаил дыхание.

Се Линь опустил глаза на мяч.

Словно глядя на того парня, который семь лет назад стоял в лужах ливня на коленях и умолял его не уходить.

Он наклонился и подобрал мяч.

А затем медленно зашагал к центру поля.

Ни слов, ни жестов.

Он качнул ногой и легко толкнул мяч вперед.

Тот покатился обратно к ноге Лу Цзина.

Точно так же, как когда-то, когда он учил его контролировать мяч — легко, уверенно, точно.

Лу Цзин улыбнулся.

Это была не улыбка победителя, а улыбка долгожданного освобождения.

Он принял мяч, развернулся и устремился в прорыв.

Позади него Се Линь наконец сделал шаг и последовал за ним.

Не тренер.

Не тень.

Ядро построения.

Плечом к плечу.

В лучах прожектора никто не смел заговорить первым.

Но они уже давным-давно высказали носками бутс всё до последнего слова.

<http://bllate.org/book/19070/1873137>